

ДЕЛО О ТРЕХ УБИЙСТВАХ

Роман
ИЛЬЯСОВГЛАВА 4.
ДЕЛО О ТРЕХ
УБИЙСТВАХ

Продолжение.
Начало – в № 471.

«Полачев на инструктаже зачитывал мне, – вспоминал Михаил, – что, по внутренним правилам тюрьмы, строго запрещено содержать в одной и той же камере или выводить одновременно на прогулку родственников или знакомых, или людей, проходящих по одному делу. Исключениями по этому поводу могут быть только особые, предпринятые в следственных целях распоряжения, которые помогают добыть дополнительную информацию, в целях ускорения дознания или же в целях выявления вражеских действий, возможных при контакте таких заключенных, а так же для иных следственных мероприятий».

Михаил сделал заметку на рабочем листе и продолжил чтение доноса на Якова Рубинова: «Рубинов Яков наносит огромный вред нашему государству своей деятельностью. Рубинов Яков известен в религиозных еврейских кругах как еврейский просветитель. Его знают не только в Коканде, но и в других городах Средней Азии. Зная, что Рубинов Яков обладает необыкновенным ораторским талантом, религиозные еврейские общины тайно снабжают его деньгами, для того чтобы он разъезжал по разным городам Узбекистана и Таджикистана – везде, где живут евреи, – и проводил религиозные лекции среди еврейского населения, убеждая всех евреев соблюдать религиозные традиции, чуждые традициям и идеям нашего прогрессивного общества, нашей великой страны».

Дочитав копию последнего доноса, Михаил аккуратно сложил все документы, вложил их в папку и задумчиво усталился на донос Хитрова, лежащий поверх всех документов. «Кроме этой роковой бумаги, состоящей всего лишь из 10 строк, – размышлял Михаил, – во всей этой толстенной кипе документов не было не единого намёка, компрометирующего Шаломоева перед лицом советской власти. Очень похоже на то, что донос этот – клевета карьериста Хитрова.

Несомненно огромные за-

слуги Шаломоева перед партией и социалистической системой: его непримиримая и неустанная борьба против врагов Советской власти, огромный вклад, который он внес для существования нового государства. Он не щадил собственной жизни во время гражданской войны, и не жалел сил и здоровья на благо развивающегося государства после войны. Несмотря на все это, государство и созданные им органы следственного отдела ничего не сделали, чтобы опровергнуть клевету, и фактически уничтожили его.

Михаилу вспомнились вчерашние слова Полачева который восклицал: «Разве не разумнее, разве не патриотичнее будет в наше трудное, кризисное для страны время обвинить подозреваемого в преступлениях, в которых он безоговорочно признается, нежели совершить случайную ошибку?»

«Что же неверного в основах нашей системы, порождающей и выращивающей таких уродов, как Полачев и начальник этой тюрьмы?» – рассуждал Михаил. – Почему наша система порождает антагонизм, направленный против людей, которых она сама возрастала, людей, преданных этой системе?»

Михаил отодвинул от себя дело Шаломоева, взял новый лист бумаги, и стал записывать свои мысли: «Предположим, что донос этот – клевета Хитрова, чтобы уничтожить своего конкурента. И предположим, что Шаломоев понял после первого допроса, кто мог его оклеветать. И, конечно, неглупому Шаломоеву было нетрудно догадаться, что является причиной этой клеветы. Значит, была надежда что во всем разберутся. Почему же он тогда решил покончить с жизнью? Если бы даже его и смогли бы заставить признаться в тех словах, которые якобы он слышно говорил, то у него все равно была надежда на то, что все его прежние заслуги перекроют этот пьяный бред – и наказание не будет очень суровым. Но, перед тем как совершить самоубийство, он убивает сокамерника, Саморуба, да ещё проявляет свою нечеловеческую месть, заполнив полость рта трупа дерьмом. Выходит, его месть была сильнее его надежды. Чем ему мог досадить Саморуб? Избивал? Но в протоколах медицинской экспертизы указано что на теле Шаломоева не было найдено ни единого следа, который указывал бы на применение

РАВВИН ИЗ КОКАНДА

насилия. Был один лишь допрос Шаломоева, и на этом допросе он отверг обвинения. Значит, он не подвергался избиванию ни на допросе, ни в камере, по крайней мере, в последнее время. Что же сделало его жизнь невыносимой? Возможно, в камере как-то стало известно что Шаломоев до заключения занимался доносами. И поэтому Саморуб, который, как упоминалось в протоколе, был авторитетом в камере, по-видимому, подвергал или позволял другим сокамерникам подвергать Шаломоева каким-то методам унижения, которые сделали его жизнь в камере невыносимой. Убив Саморуба, Шаломоев, понимает, что он все равно не избавится от унижений сокамерников ни здесь, ни даже в других местах пребывания в заключении, и поэтому остается только один выход – смерть».

Михаил прокрутил в своих мыслях еще несколько версий, но первая ему показалась самой правдоподобной. Если его версия о Шаломоеве верна, то как подтвердить её? «Яков-раввин, – мелькнуло в голове Михаила, и он стал развивать версию, углубляясь в этом направлении: – Шаломоев перед смертью мог излить ему свою душевную боль и, может быть, даже, раскаявшись, попросить прощения у Якова за то, что написал на него в прошлом году донос. Яков, конечно же, мог догадываться или точно знал, что многие еврейские семьи пострадали от доносов Шаломоева. Яков мог при разговоре с ним в камере напомнить ему об этом, пристыдить его за это. Тогда Шаломоев мог попросить Якова, чтобы тот передал семьям, пострадавшим от этих доносов, что он раскаивается и просит у них прощения перед смертью».

Михаил записал на черновой бумаге: «Первым на допрос по делу о трёх убийствах вызвать Якова». Он поднял стопку папок, лежащих на столе, поближе к себе и стал искать в ней дело Якова Рубинова. Эта была самая тонкая папка в стопке. Михаил расшнуровал ее. В ней находилось только четыре документа: донос от 11 марта 1937 года, подписанный «Соседи»; протокол обыска от 13 марта 1937 года; протокол описи и ареста имущества, составленный в ночь с 13-го на 14-е марта 1937 года; донос Шаломоева, в подлиннике, от 1 апреля 1936 года. По доносу Шаломоева, полученному в прошлом году, со стороны НКВД не было предпринято никаких шагов – таких, например, как установка наблюдения за Рубиновым, или вызов его на допрос, или обыск и арест. «Видимо, потому ничего не было предпринято, – сделал вывод Михаил, – что в то время во главе НКВД стоял Генрих Григорьевич Ягода. Работа НКВД была жестко активизирована после прихода в власти в сентябре 1936 года Николая Ивановича Ежова. Была проведена неслыханная реорганизация НКВД и его органы на местах. Теперь НКВД стал обязан реагировать на любые доносы.

Михаил снова перечитал донос на Якова Рубинова, написанный его соседями. В доносе указывалось: «Наш сосед Рубинов Яков – очень подозрительная личность. Он не работает ни на одном государственном предприятии, однако имеет большую семью и находит средства, чтобы прокормить ее. Похоже на то, что он занимается какими-то нелегальными делами, которые приносят ему материальный доход. Также мы, соседи, подозреваем что Рубинов Яков

организуем тайные собрания в своем доме. К нему в дом группами приходят подозрительные бородатые типы с молитвенными книгами, но, похоже, молитвенные книги у них для того, чтобы ввести в заблуждение соседей. Потому что верующие обычно молятся в мечетях, церквях и синагогах. Мы подозреваем, что он проводит в своем доме антисоветские собрания. К нему также приходят школьники. Мы подозреваем, что среди них он тоже проводит антисоветскую пропаганду. Просим вас разобраться с этой подозрительной личностью. Соседи. 11 марта 1937 года».

Михаил снова сделал для себя кое-какие заметки и отложил дело Рубинова в сторону. К 8 часам вечера Михаил также закончил чтение дел убитого Петрова Александра Ивановича по кличке Саморуб и повесившегося Исмаилова Саида Рашидовича.

Саморуб был арестован по подозрению в групповом ограблении кассы на производстве, где он в последнее время работал. Пострадавший кассир заявил, что все грабители были в масках. И хотя присутствие среди них безрукого грабителя кассир отрицал, Саморуб был тут же арестован, так как следователь не мог поверить, что ограбление происходило без его участия. Несмотря на то, что все рабочие и начальник цеха в их письме, посланном в НКВД, отозвались о Саморубе как о старательном работнике и прекрасном человеке, НКВД не принял во внимание письмо цеховиков. В ответе было указано, что работники НКВД прекрасно знают законы воровского мира и понимают, что никто бы не смог решиться ограбить кассу в том месте, где работает такой авторитетный вор, каковым является Петров А.И., он же Саморуб, без его согласия или же его непосредственного участия как наводчика.

Попытки на допросах добиться его признания в этом преступлении и выдачи сообщников не привели к результатам. Он твердо стоял на том, что ни в каких грабежах никогда в своей жизни не участвовал.

Исмаилов, бывший бригадир полеводческой бригады, вначале был арестован за изнасилование тринадцатилетней дочери своей любовницы. Во время расследования также было установлено, что он является врагом народа и вредителем, умышленно срывавшим выполнение установленных планов в своей бригаде в течение последних двух лет.

Продолжение следует